Вдвойне трагедиен образ женщин Островского. Вдвойне потому, что не только губились жизни, но ломались души, топталось человеческое достоинство.

Но Островский не был бы великим писателем, если б не раскрыл во всей сложности и разнообразии психологию женщины. Отнюдь не равнозначную реакцию дают человеческие души на уродующий их деспотический строй. Мы уже говорили в первой статье о Лидии Чебоксаровой из «Бешеных денег»; ведь беда не только в том, что положение ее будет оскорбительно, беда ее — в ничем не восполнимых нравственных потерях. Лидия — несостоявшийся человек, ее моральное чувство способно капитулировать при первом же натиске судьбы. Поставим с ней рядом актрису Коринкину («Без вины виноватые») или Смельскую («Таланты и поклонники»). Обеим не раз приходилось поступаться человеческим достоинством, чтобы продержаться.

Впрочем, в психологии Коринкиной и Смельской мы усматриваем и иное: брошенный Островским как бы вскользь намек на то, что они склонны примкнуть не к безответным, а к «своевольным» или, что для них куда проще, к богатым. В бурной и смятенной истории Гриши Незнамова Коринкина занимает позицию жестокую, подстраивая скандал, от которого, по ее предположению, одинаково должны пострадать и Кручинина и Незнамов. А Смельская? Она тоже на стороне Дулебова и не склонна сочувствовать Саше Негиной — она только может завидовать ее выбору. Смельская не

стала бы даже думать, кого выгоднее сделать своим избранником, любить она давно разучилась. И А. Яблочкина, игравшая Коринкину в Малом театре, строго судила свою героиню, не прощая ей ни того, что она роняет престиж актрисы, ни мелкой зависти к настоящим талантам. Яблочкина создавала собирательный образ всего дурного, что может паразитировать на театральной ниве. Так же остро играла эту роль в МХАТовском спектакле О. Андровская.

Трудная, безысходная ситуация, порожденная общественными устоями, — всегда тяжелое нравственное испытание для человека и не всякому оно под силу.

Если повернуться от Коринкиной и Смельской к старой Чебоксаровой или Огудаловой — матери Ларисы («Бесприданница»), то мы увидим, как драматично Островский заостряет эту мысль. Чебоксарова и Огудалова — матери, которые под давлением условий готовы торговать своими дочерьми, и их сердцами, и их честью...

Материнство в представлении Островского — высокое счастье человека. Не случайно он наделял Катерину в «Грозе» доброй матерью, искал спасения для Кручининой во встрече с потерянным сыном, а бедных бобылей осчастливливал названой дочкой Снегурочкой; Аксюша в «Лесе» была особенно одинока именно своим сиротством. Но драматург показывает нам и оборотную сторону медали, и мы понимаем, что буржуазные отношения в семье были восприняты Островским без иллюзий. Он изображает и матерей, которые торговали детьми, и тех, которые делали из них нравственных уродов.

Вспомним мать Полиньки и Юлиньки, вдову Кукушкину из «Доходного места», мать, способствующую душевному уродству своих детей. Она повинна в драме чистейшей души Полиньки, которая была бы счастлива с нечиновным, но честным Жадовым, если бы в ее глупенькой головке не взошли семена, заброшенные туда в самую раннюю пору жизни жадной и бессовестной материнской рукой. Как необыкновенно тонко открывала эту тайну Полинька — М. Бабанова в спектакле Театра имени Маяковского! Невозможно забыть чистый, поистине «ангельский» серебряный колокольчик бабановского голоса, который исповедовался жениху в том, что все в их доме ложь и обман, что их с сестрой ничему не учат, кроме как лгать и завлекать женихов! С какой потрясающей чистотой невиновности признавался этот голосок, что она, Полинька, «совсем дурочка. Ну, совсем», что она ничегошеньки не понимает во всех умных разглагольствованиях Жадова! Но вот в чем беда: оставаясь чистой и нетронутой, Полинька все-таки была уже научена притворяться. Ибо все вокруг Полиньки, даже самый воздух дома, было насыщено жаждой денег, чинов, нарядов — словом, всем, чем могло «одарить» человека

общество бесстыдного торгашества.

Итак, в социально-семейном конфликте, взятом Островским из самой действительности, где женщина всегда, при любых обстоятельствах, оказывалась угнетенной и безответной, она далеко не всегда представляла собой идеальный образ страдалицы. И по очень разным причинам. «Я сама страдала от чужой воли и прихоти — и других заставлю себя слушаться!»— говорит Мавре Барабошева в пьесе «Правда хорошо, а счастье лучше». Сколько иронии в одном названии этой пьесы! Как часто счастье получали ценой неправды, как бы говорит Островский. Не зная, какой ценой получено ее счастье, внучка Мавры Барабошевой думает, что это ее воля победила волю непоколебимой бабушки. Но увы! Позицию Мавры Барабошевой, на которой она стояла намертво, не желая выдавать Поликсену за бедного Зыбкина, ничто бы не поколебало, если б Грозное, бывший возлюбленный Мавры, не пригрозил ей позором и не потребовал выкупа. Заставить Мавру нарушить наложенный ею запрет на брак Поликсены — почти то же, что потребовать у Кабанихи отступиться от ее решений. Ведь обе — и Мавра и Кабаниха — самодуры в юбке. Известные русские актрисы Е. Турчанинова и В. Массалитинова, исполнявшие роль Мавры, и не искали повода показать пробуждение добра в ее душе. Более мягко играла Мавру Е. Шатрова в современной постановке Малого театра, но и она далека была от благостного истолкования запоздалых переживаний Мавры.

Но как ни трезво оценивал Островский невозможность совпадения правды и счастья для русской женщины в темном царстве, он не мог совсем отказаться от веры в возможность счастья. И даже написал об этой возможности несколько пьес, которые нельзя обойти молчанием. Конечно же, он искал счастья для женщины в любви и семье. Поиски эти мы наблюдаем во многих пьесах. Драматург нашел возможным соединить Парашу — девушку, обладающую исключительной силой духа, с достойным человеком в «Горячем сердце». Привел он и Людмилу в «Поздней любви» к заслуженному ею счастью. Как глубоко раскрыла характер Людмилы А. Степанова в спектакле МХАТа!

Но это тема специального исследования, мы же говорим сейчас о пьесах, где Островский как бы строит гипотезу, предваряющую счастливые и разумные человеческие отношения. Мы видим такой ход мысли в его «Невольницах» и «Женитьбе Белугина» (последняя написана им вместе с Н. Соловьевым). Евлалия в «Невольницах» и Елена в «Женитьбе Белугина» — женщины, подготовленные светским воспитанием для беспечной жизни, но по бедности заключающие компромиссные браки. И драматург показывает, как низок такой путь, заставляя своих героинь пройти другой — путь морального возрождения. Островский не любит мелочности, нечистоплотности в чувствах и в истории Евлалии дает им достаточно нелестную характеристику. С большой убедительностью привел он Евлалию к отрезвлению. Привел и оставил на пороге

окончательного выбора, так и не поставив последней точки.

И с той же моральной, даже в лучшем смысле слова морализующей сверхзадачей (позволим себе применить здесь выражение Станиславского) Островский показывает, как от сцены к сцене и от акта к акту Елена (ее очень хорошо играла И. Ликсо в Малом театре) все больше и больше убеждается в недостойных, пошлых, даже уродливых последствиях своего фальшивого брака. Выстроена эта линия не только ради прозрения Елены. Островский строил гипотезы, размышляя о подлинно нравственных от»-ношениях между мужчиной и женщиной, искал идеал семьи. И все равно приходил к выводу, что развитие буржуазных отношений не щадит и семью — это хрупкое прибежище, малый оплот человеческого счастья. «Бесприданница» и «Бешеные деньги» доказывали это со всей силой трагизма.

Как видите, Островский сумел охватить проблему женской судьбы и человеческого счастья в условиях деспотического строя необыкновенно всесторонне и всеобъемлюще. В этой статье мет" лишь частично коснулись ее. Разумеется, 'драматургия Островского, его взгляды на жизнь, его художественная мощь не исчерпываются темой русской женщины и ее судьбы в обществе, которое, пользуясь характеристикой Добролюбова, мы называем «темным царством». Но, говоря о женщине и ее месте в театре Островского, мы неизменно проникаем к главному в творчестве этого художника. Ибо прав был Станиславский, сказав: «Я не знаю среди русских писателей второго такого страстного борца за права русской женщины, как Островский».

Нина Велехова,
«Работница», 70-е…